

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-154-174

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ. ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ.

Часть I. Универсалистский подход

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Современная глобальная социология сформировалась в конце XX — начале XXI в. Она является сложным образованием, состоящим из большого количества социологических теорий, созданных и создаваемых в рамках различных теоретических традиций и опирающихся на различные методологические подходы. Их объединяет общее предметное поле и общее видение проблем, требующих своего социологического осмысления.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы теоретически структурировать предметное поле современной глобальной социологии и предложить соответствующую типологию теоретических подходов и базовых проблем, которая позволяет представить современную глобальную социологию как специальную исследовательскую сферу, обладающую предметным единством и системностью.

Предметное поле современной глобальной социологии составляют, во-первых, современные процессы, приведшие к становлению современного глобального мира, и, во-вторых — порядок и структура этого глобального мира.

Теоретико-методологический анализ теорий, составляющих содержание современной глобальной социологии, позволяет разделить эти теории на две большие группы.

Первую группу теорий составляют теории, созданные в рамках универсалистского подхода и универсалистского видения современного глобального порядка. Универсалистская перспектива построения теорий укоренена в социальной философии Просвещения, теориях Прогресса, в теориях развития, созданных в классической социологии, в изначальных импульсах теорий модернизации и вестернизации. Все эти теории объединяет также общее видение современного мира как единого универсального пространства, в той или иной степени трансцендирующего и конкретные общества, и национальные государства.

Кроме того, эту группу теорий следует разделить на еще две подгруппы. Первая подгруппа универсалистских теорий глобальной социологии рассматривает современный глобальный мир и его порядок как результат движения обществ, заложенный изначальными импульсами развития модерна и закономерно реализующимися в качестве универсального глобального порядка. В качестве примеров таких теорий в статье анализируются построения И. Валлерстайна и Э. Гидденса.

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Вторую подгруппу теорий составляют теории глобализации, основа анализа которых — процессы цифровизации и сетевизации современного социального пространства, новые базовые “мобильности”, созидающие новую глобальную морфологию пространства “потоков”. В качестве примеров таких теорий анализируются идеи М. Кастельса, Дж. Урри, У. Бека.

В статье анализируется также такой универалистский дискурс глобальной социологии, как концептуализация глобального порядка посредством теории империи.

Этим универалистским теориям глобальной социологии посвящена I часть статьи.

Вторая часть статьи посвящена второй большой группе теорий современной глобальной социологии — теориям, созданным на основе цивилизационного подхода и рассматривающих современный мир как совокупность цивилизаций.

Ключевые слова: глобализация, универсализация, вестернизация, информатизация, сетевое общество, империя, цивилизация.

GLOBAL SOCIOLOGY. BASIC RESEARCH STRATEGIES.

Part I. Universalist approach

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The global sociology was formed at end of the XXth century — at the beginning of the XXIth century. It consists of a great number of sociological theories belonging to different sociological traditions with different methodological approaches. These theories have a common object field and a common vision of sociological problems which need to be analyzed. The aim of the article is to clarify and to give a theoretical structure to the object field of the global sociology as a specific research sphere. This specific sphere of sociological research has its own systemic character due to the unity of the object field. The object field of the global sociology is formed, first, by the processes which have shaped the contemporary global world and second, by the structure and order of this global world. The theoretical and methodological analysis of the theories which make up the global sociology shows that these theories can be divided into two large groups. The first group is formed by theories based on a universalist approach and a universalist vision of the actual global order. The universalist sociological perspective is rooted in the Enlightenment social philosophy, in the theories of development of classical sociology, in the original impulses of theories of modernization and Westernization. The uniting principle of all the mentioned theories is the common vision of the contemporary world as the one universal social space which to one extent or other transcends both concrete societies and nation-states. This large group of theories can be subdivided in two subgroups. The first subgroup of universalist theories views the contemporary global world with its order as a result of some original impulses of development of modernity. These impulses are being realized as the universal global order. The article analyzes the sociological theories of I. Wallerstein and A. Giddens as examples of such universalist theories. The second subgroup is formed by theories of globalization which are based on the analysis of the processes of digitalization, networking and also of new basic “mobilities” which are shaping a new global morphology of the space of “flows”. The theories

of M. Castels, J. Urry and U. Beck are the examples of such universalis theories. The article also analyzes a global sociological universalist discourse which conceptualizes the global order through “theories of empire”.

The Part I of the article is dedicated to universalis theories of global sociology. The Part II is dedicated to the second large group of theories of the contemporary global sociology. These theories are based on the civilization approach which views the contemporary world as a set of civilizations.

Key words: globalization, universalization, Westernization, informatization, network society, Empire, civilization.

Одним из самых значимых теоретических дискурсов, сформировавшихся в последние тридцать лет в социологии, является дискурс, посвященный обсуждению процессов и проблем глобализации. Это очень широкий дискурс, в рамках которого сформировались различные теории глобализации — как *структурные*, описывающие и создающие теорию глобального общества, так и *процессуальные* теории и концепции развития глобальных процессов, создающие глобальную теорию исторического развития.

Анализ этих теорий позволяет сделать вывод о том, что они создаются в рамках двух фундаментально различных подходов, которые можно положить в основание классификационной схемы, позволяющей ответить на вопросы о том, что такое современная глобальная социология и в чем ее специфика.

Глобализация осуществляется как процесс *универсализации*, *гомогенизации* и *унификации* социальных, политических и экономических институтов и процессов. Создаются формально схожие системы государственного управления, политических партий, системы права, системы финансового контроля и управления, системы социального и пенсионного обеспечения, аналогичные системы здравоохранения, образования, поддержки науки и культуры, спорта и т.д. Возникают общие формы социального протеста, социальных чувств и представлений. Типизируются социальные позиции, рабочие места и функции, системы социальной стратификации и потребления, оформляются транснациональные элиты.

Процесс глобализации осуществляется через создание глобальной сети культурных кодов и сообщений. Мода, кинематограф, политические события, природные катастрофы, террористические акты, курсы валют, прорывные научные технологии — все эти события, знаки и сообщения существуют одновременно, сразу для всех и всем одинаково понятны. Благодаря глобальным средствам массовой информации, глобальному сетевому обществу все живут в одной системе событий и единой системе смыслов.

Усиление связанности, взаимозависимости, уплотнение взаимодействия осуществляется на всех социальных уровнях и в различных сферах — экономике, политике, культуре, науке, образовании.

Глобализация сопряжена с оформлением наднационально-государственных, в полном смысле слова *глобальных*, социальных институтов, обладающих авторитетом и даже определенной властью, таких как, например, ООН, ВТО, МОТ, ВОЗ, Еврокомиссия и Совет Европы, спортивные организации и союзы, различного рода региональные экономические, политические, культурные союзы и организации. Речь идет не просто о соглашениях, основу которых составляют интересы или взаимное признание принципов, норм и систем международного права. Речь идет об институтах и организациях, обладающих своим регламентом, штатом международных чиновников и полномочиями, включающими возможность принуждения и наказания участников в случае нарушения ими соглашений и обязательств. Речь идет об *институциональной структуре глобального мира*.

Оформление наднациональных организаций бросает вызов национальным государствам, ставит вопрос о полноте их полномочий и прерогативах. Но не только наднациональные организации и транснациональные практики оказывают давление и сужают сферу полномочий национального государства. Не менее значимой оказывается вторая сторона общего процесса глобализации. Речь идет о процессе регионализации, который “размывает” сложившуюся систему национальных государств как бы “снизу”, создавая различного рода локальные и региональные движения протеста, предлагая им при этом единую форму, общие лозунги и апеллируя к транснациональным формам связей.

Вызов, бросаемый глобализацией национальным обществам-государствам, является центральной темой, обсуждаемой в рамках глобальной социологии. Именно эта тема является фокусом, в котором сходятся вопросы структуры и природы глобального порядка, его универсальности или гетерогенности, форм и типов этого порядка, таких как империи, системы национальных государств или системы цивилизаций.

По тому, как решаются эти вопросы в рамках современной глобальной социологии, можно выделить два фундаментальных исследовательских направления и соответственно два блока социологических теорий глобализации, составляющих содержание современной глобальной социологии.

Первый исследовательский подход — это подход, укорененный в рамках классической социологической традиции, эволюционизма, прогрессизма и универсализма. Это *универсалистский* подход, и он предполагает интерпретацию мировой истории как единого процесса эволюционного прогрессивного развития обществ по единым законам и схемам к единой универсальной социальной форме. Такой формой может быть индустриально развитая политическая демократия с секуляризированной культурой и вестернизированными социальными институтами.

Этот подход существует в социологии со времен Ж.-А. Кондорсе, О. Конта и Г. Спенсера и несмотря на все изменения, внесенные социологией XX в. в соответствующее видение социального изменения, его теоретическое ядро продолжает воспроизводиться. Универсализм является главной моделью социального изменения и главной моделью социального устройства современных обществ, укорененной в социальных моделях западных обществ.

Результатом универсалистского подхода является создание картины глобального мира, представляющего собой совокупность национально-территориальных образований, объединенного совокупностью транснациональных универсалистских социальных, культурных и экономических практик, а также соответствующей системой институтов и организаций транснационального или наднационального уровня.

Фактически речь идет об универсалистской модели социологии, ставшей одним из оснований современной глобальной социологии. В рамках универсалистской ветви глобальной социологии процессы универсализации, вестернизации и модернизации чаще всего рассматриваются как совпадающие.

Второй подход и второй блок теорий, разработанных в рамках современной глобальной социологии, — это *цивилизационный* подход. В рамках современной глобальной социологии мы наблюдаем не просто возрождение теоретического интереса к истории цивилизаций, а практическое применение цивилизационного подхода в качестве аналитического средства прочтения современного глобального мира.

Современные теоретики цивилизационного подхода в рамках глобальной социологии отказываются от универсалистского видения современного глобального пространства, структурируют его как систему цивилизаций, отказываются от отождествления процессов модернизации и вестернизации и вносят в теорию модернизации существенные коррективы.

Универсалистская ветвь глобальной социологии

В рамках универсалистской социологии сформировалось множество современных теорий глобализации. Это такие классические теории современной социологии, как мир-системный анализ И. Валлерстейна, укорененный в равной мере и в марксистской, и в классической структурно-функционалистской схеме социального развития “центр-периферия” Э. Шилза; теория глобализации Э. Гидденса, произрастающая из его теории модерна; теория глобализации Р. Робертсона, рассматривающего глобализацию как результат взаимопроникновения процессов “универсализации, партикуляризма и партикуляризации универсализма”¹; теории глобализации, в которых глобализация есть

¹ Robertson R. Globalization. Social theory and global culture. L., 1992. P. 27.

результат оформления транснациональных практик, транснационального государства Лесли Склэра, Ульриха Бека, Джона Урри; множество теорий сетевого общества, прежде всего теории М. Кастельса, в рамках которых глобализация — результат развития сетевых технологий и одновременно новая форма современного универсализированного социального пространства.

Все эти теории глобализации универсалистской социологии при всем своем различии создали общее проблемное поле, в рамках которого обсуждаются главные проблемы глобальной современности, а также ее общую картину. Вместе с тем, анализ этих теорий позволяет разделить их на две подгруппы в рамках единого универсалистского прочтения процессов глобализации.

Первую подгруппу теорий составляют теории универсалистской социологии, созданные как теории социального развития, закономерным итогом которого является оформление универсального глобального порядка. Основу их теоретического построения образует анализ общего исторического развития, заложенного изначальными импульсами модерна и закономерно реализующимися в качестве современного глобального мира.

Вторую подгруппу теорий составляют теории, основу анализа которых формирует процесс глобализации, связанный с развитием информационных технологий и процессов сетевизации современных обществ.

Глобализация как результат общего исторического движения обществ модерна

Эту подгруппу теорий глобализации универсалистской социологии составляют теоретические разработки, целью которых является построение общей теории социального развития обществ модерна в направлении оформления единого универсального социального пространства. К числу классических теорий этой подгруппы следует отнести теории И. Валлерстайна, Э. Гидденса. Эти теории были созданы до теорий второй подгруппы, но уровень теоретической проработки глобализационного процесса и его результата — оформления единого универсального пространства — в социологическом плане значительно превышает уровень проработки проблем в теориях второй подгруппы. По крайней мере, именно в теориях И. Валлерстайна, Э. Гидденса предложена теория структуры и формы, которую имеет современное глобальное общество, обоснована его универсалистская природа и выявлены место и роль национально-государственного порядка модерна как в процессе глобализации в целом, так и в структуре современного глобального порядка.

Глобальное пространство репрезентируется в теории И. Валлерстайна концепцией мироэкономики. При этом капитализм, являющийся

воплощением универсализма, по его глубокому убеждению, изначально был явлением мироэкономики, а не национальных государств, воплощавшими всегда партикуляризм. Создание “национальных” барьеров исторически было “защитным механизмом капиталистов в странах, находящихся уровнем ниже, чем высшие пункты силы в системе”². Это породило парадокс исторического процесса глобализации, по мнению Валлерстайна, который состоит в том, что вместе с возникновением наций-государств со своими границами, “изобретенными традициями”, мир двигался ко “всемирному сознанию”, “человечеству”, “всеобщей личности”³. Речь идет о двойном историческом пути: историческом движении наций, с одной стороны, и историческом создании вселенского человечества — с другой. В настоящее время нации-государства все больше походят друг на друга — по культурным формам, по политическим формам, по “националистическим формам” и т.д. И это не только результат культурной диффузии.

Валлерстайн является очевидным сторонником универсалистского подхода к анализу современного мира и обосновывает это через обсуждение дилеммы “партикулярное — универсальное”. Партикулярное существует в двух базисных формах — в форме культуры и в форме нации. «Культура по определению есть нечто партикулярное... Это система ценностей или практических форм поведения, присущих некоей части, меньшей, чем целое... При любом употреблении слова, “культура” — то, что некоторые люди чувствуют или делают, в отличие от других, которые чувствуют или делают иначе»⁴. Национализм же является “квинтэссенцией... партикуляризма, его формой с наиболее широкой аудиторией, с наиболее устойчивой поддержкой, с наибольшей политической ударной силой, с наиболее основательным вооружением в свою защиту”⁵.

Парадокс состоит также в том, что, как подчеркивает И. Валлерстайн, история мира — это не история культурной гомогенизации, это история культурной дифференциации, усложнения и разнообразия. Но этот процесс дифференциации всегда сдерживался некими “гравитационными” силами, удерживающими центробежные тенденции. “В нашей современной миросистеме, — пишет И. Валлерстайн, — наиболее мощной из таких гравитационных сил была нация-государство”⁶. Это было связано прежде всего с тем, что при “развертывании” капиталистического мира-экономики нации-государства самоопределялись

² Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 38.

³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 133.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 137.

по отношению к другим государствам и вместе составляли единую межгосударственную систему, что находило выражение в международных договорах. И это не просто политическая география, речь идет о “постоянном давлении в сторону формирования именно такой морфологии”⁷, предполагающей и суверенные государства, и их национальные культуры.

Вместе с тем, экономическая реальность с ее разделением труда и потоками товаров, капиталов, рабочей силы предполагает, что государственные “границы должны быть проницаемы, и они действительно являются таковыми”. Эти потоки разбивали национальные отличия, порождая диффузию и интернационализацию культуры.

Государства, таким образом, одновременно и создавали культурное разнообразие, и использовали свою мощь для создания культурного единообразия. “Это сделало государства самой мощной культурной силой современного мира и одновременно самой шизофреничной”⁸. Парадокс, таким образом, состоит в том, что универсалистское пространство современного мира связано системой национальных государств, образований, партикуляристских по своей природе. И это несмотря на то, что каждое государство опирается не только на свою национальную культуру, но и на свои социальные практики: официальные языки, системы образования с определенным набором изучаемых предметов, армии, законы о въезде и выезде, законодательство о семье, о собственности и т.д.

Обсуждение проблем культурного многообразия существует, по мнению Валлерстайна, в качестве не более чем сопротивления универсализирующим тенденциям современного мира. Но такая приверженность национальной, этнической, любой другой партикуляристской культуре — не более чем “костыль” на пути к универсализирующей свободе. Суть современного универсализма состоит в общем историческом движении к свободе и равенству. Но движение по этому пути будет связано не с созданием и воссозданием партикуляристских культурных общностей, а с “социальными партикуляризмами, имеющими целью... восстановление универсальной реальности свободы и равенства”⁹.

Универсализация, таким образом, является, по И. Валлерстайну, продуктом системы национальных государств, которые этот процесс поддерживают. При этом стабильность мира как системы национальных государств (и как мир-империи с перераспределительной экономикой, и как мир-экономики с капиталистической рыночной экономикой)

⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 137.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 149.

гарантируется трехуровневой структурой. Валлерстайн выделяет три механизма, позволяющие удерживать единую мировую систему стабильной. Во-первых, это концентрация в руках господствующего центра военной силы, которая всегда остается главным доводом. Во-вторых, это “всепроникающая игла идеологической приверженности системе в целом”¹⁰. При этом эта приверженность существует в виде приверженности идеям вестернизации. И, в-третьих, это само структурирование мирового порядка в виде трехчленной структуры: центра, периферии и полупериферии. “Иметь трехуровневую структуру — нормальное условие любой разновидности миросистемы. Если и когда такое условие исчезает, миросистема исчезает”¹¹.

Понять механизмы и модели взаимодействия современных национальных обществ и процессов глобализации возможно, опираясь и на теорию системной интеграции и общества как “барельефного” образования на фоне многочисленных процессов, практик и коммуникативных взаимодействий между различными субъектами действия, разработанную Э. Гидденсом.

Согласно его теории, общества образуются не социальной интеграцией-взаимодействием между отдельными субъектами действия, предполагающей пространственное и временное соприкосновение агентов взаимодействия, а системной интеграцией. Системная интеграция — это взаимодействие групп и коллективов, составляющее основу системности общества как целого, общества как “барельефного” образования на фоне многочисленных социальных взаимодействий. Системная интеграция осуществляется не в произвольной форме личного общения, а в жесткой институционализированной форме. Гидденс подчеркивает, что общества как системные тотальности существуют только в контексте “интерсоциальных систем”. Все общества в одно и то же время являются и социальными системами, и конституируются пересечением множества социальных систем, которые могут составлять, например, современные процессы глобализации. Общества поэтому являются “социальными системами, которые барельефно выступают на фоне прочих системных отношений”¹².

Идея общества как “барельефного” образования, существующего на фоне множества интерсоциальных систем, оказала громадное влияние на понимание Гидденсом характера и качества современного общества. Анализируя современность, Гидденс говорит уже не об обществе, а об эпохе, о глобальной системе и глобальном обществе, о миросистеме. Более того, Гидденс считает, что в настоящее время своего существенного

¹⁰ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. С. 42.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkeley, 1984. P. 164.

переосмысления требует главный объект социологического анализа, каковым социологи традиционно считали “общество”.

Рассмотрение “общества” в качестве главного предмета социологии имело, по мнению Гидденса, несколько следствий. Во-первых, это представление стимулировало преимущественный интерес к эндогенным моделям социального изменения, предполагающим, что исходные побудительные импульсы социальной трансформации проистекают “изнутри” общества. Ограниченность такой позиции очевидна, по мнению Гидденса. Все типы социальных систем, начиная от малых дописьменных культур и аграрных государств и кончая современными социальными образованиями, существуют в контексте интерсоциальных систем, что самым серьезным образом влияет на их природу и траектории развития. Во-вторых, утверждение о том, что главный объект социологии — это определенные четко выделяемые “общества”, плохо согласуется с характером дописьменных культур и аграрных государств прежних эпох, т.е. тех “обществ”, с которыми была связана большая часть исторической жизни человечества.

Когда социологи рассуждают об “обществе”, они обычно ссылаются на современные национальные государства. Национальные государства действительно имеют четкие пределы, которым соответствует административная сфера государственного аппарата. Они действительно представляют собой более или менее целостные, интегрированные системы и нередко обладают достаточно гомогенной культурной идентичностью, отличающей их от окружающих государств. Однако несмотря на то, что обычно именно в таком толковании “общество” рассматривается как фокус социологического анализа, национальные государства до сих пор, по мнению Э. Гидденса, не получили удовлетворительного теоретического осмысления в социологии. Как явствует из самого термина, национальные государства конституируются политически, кроме того, они являются территориальными образованиями, идентичность которых обусловлена не только собственными внутренними процессами, но и их причастностью к системе национальных государств.

Наконец, современные национальные государства, отличаясь в некоторых отношениях гораздо большим внутренним единством по сравнению с предшествующими формами социального порядка, все же значительно более регионализованы, чем это принято считать. Этнические различия с давних пор интересовали социологию, но до последнего времени она обходила своим вниманием внутреннюю региональную дифференциацию национальных государств, связанную, например, с размещением производства, классовой структурой и прочими принципами социальной организации.

По мнению Гидденса, все эти соображения меняют представления о том, как социология должна изучать “общество”. Гидденс указывает на включенность отдельных обществ и культур в различные межсоци-

альные системы. По его мнению, этот факт всегда имел гораздо большее значение, чем склонны были признавать социологи. При этом он подчеркивает, что специфика современности состоит в усиливающейся взаимозависимости компонентов современного мира, которая не тождественна связям, существовавшим внутри традиционных цивилизаций, так как сфера влияния последних ограничивалась только отдельными ареалами мира. Сегодня же отношения, связывающие отдельные государства, имеют глобальный характер. По мнению Гидденса, имеет смысл говорить о существовании мировой системы, причем такой, которая имеет достаточно глубокие исторические корни. Поэтому Гидденс считает, что совершенно необходимо сосредоточить самое пристальное внимание на ключевых аспектах того процесса, посредством которого включение отдельных обществ или членов обществ в мировую систему определяет направление их развития к глобальному обществу.

В общем и целом, как утверждает Гидденс, набирают силу изменения, которые “создают нечто беспрецедентное — глобальное космополитичное общество”¹³. Это утверждение Гидденса, как и его понятие “глобальное космополитическое общество” является квинтэссенцией позиции и диагноза, выносимого современному глобальному состоянию мира универсалистской социологией.

К сказанному следует добавить еще ряд аспектов процесса глобализации и его влияния на общество. Речь идет о позиции, разработанной Гидденсом в работе “Ускользящий мир”, в которой он фиксирует, что современная “глобализация становится все более децентрализованным процессом — она неподконтрольна ни одной группе государств, а уж тем более крупным корпорациям. В западных странах ее последствия ощущаются не меньше, чем где-либо еще”¹⁴. Она меняет свое направление. «Все более распространенным явлением становится так называемая “колонизация наоборот”. “Колонизация наоборот” означает влияние стран, не относящихся к Западу, на развитие событий в западных странах»¹⁵. Кроме того, следует указать еще на два фундаментальных явления: высочайший рост рисков и опасностей, угрожающих обществам, а также процесс деградации институтов, превращение их в “институты-пустышки”, фактически означающий утрату обществами своего институционального основания. Если учесть тот факт, что для Гидденса именно институты выступают тем основанием, теми структурообразующими принципами, которые конституируют общества, то судьба обществ становится проблематичной, по крайней мере в институциональной методологической перспективе.

¹³ *Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. P. 35.*

¹⁴ *Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.*

¹⁵ Там же.

Глобализация как результат процессов информатизации и сетевизации

Теории глобализации, в основании анализа которых оказались процессы цифровизации и сетевизации, оформились на рубеже XX–XXI в. Эти процессы не были связаны с изначальными импульсами модерна и являлись фундаментально новыми явлениями. Именно эти процессы и стали основанием для формулирования базисных положений различных теорий глобализации и породили методологические дискуссии, в рамках которых делались попытки пересмотра фундаментальных положений классической социологии, или “социологической ортодоксии”, центральным понятием которой было понятие “общество”. Глобализация в рамках этих теорий стала рассматриваться как процесс, который вывел социологию “за пределы обществ”, поставил вопрос реинтерпретации понятия общества как главного социологического понятия, которое устарело в результате оформления глобального пространства, глобального общества.

Национальное общество, оформленное как национальное государство, обладающее своими территориальными границами, политическим суверенитетом, национальной культурой и прочими характеристиками национального государства, стало рассматриваться как партикулярное образование, адекватной метафорой для которого является “контейнер”. Процессы цифровизации и сетевизации, оформляя глобальное пространство, разрушили границы этого “контейнера”. В результате одним из главных вопросов глобальной социологии опять стал вопрос о соотношении, с одной стороны, универсального глобального пространства, основу которого составляет цифровая сетевая морфология, и партикулярного общества, существующего как национальное государство — с другой.

Среди этой второй подгруппы теорий в рамках универсалистского подхода следует выделить теории М. Кастельса, Дж. Урри и У. Бека.

Если опираться на теорию М. Кастельса, то очевидно, что универсализация глобального пространства осуществляется на основе новых технологий и порождает новую универсальную морфологию — морфологию сети. Сети — это то, что действительно является новым в современную эпоху, это новые сети информационных технологий. Они представляют собой более серьезные изменения, чем технологии, связанные с индустриальной революцией или информационной революцией. “Более того... по мере того как интернет становится универсальным инструментом интерактивной коммуникации, мы сдвигаемся от компьютерноцентрированной технологии к диффузным сетевым технологиям”¹⁶. Именно они определяют социальную

¹⁶ *Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // Britain Journal of Sociology. 2000. N 51. P. 10.*

структуру и социальную морфологию. Сети являются очень старой формой социальной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они являются наиболее подвижными и адаптивными формами организации. Сети как социальные формы являются свободными от ценностей, нейтральными, универсальными.

Вместе с тем, М. Кастельс в рамках разработанной им теории не отказывается от понятия общества, он предлагает его радикальное переосмысление. Речь идет о новом типе общества — сетевом обществе и новом типе государства — сетевом государстве. Сетевое общество, как указывает М. Кастельс, — это специфическая форма социальной структуры, опытно устанавливаемая эмпирическими исследованиями в качестве характеристики информационной эпохи. Появление новой социальной структуры невозможно без изменения в дефиниции пространства и времени. “Две эмерджентные социальные формы времени и пространства характеризуют сетевое общество: безвременное время и пространство потоков. Безвременное время определяется использованием новых информационно-коммуникационных технологий в неослабевающих попытках аннигилировать время. С одной стороны, время спрессовывается, а с другой — время разваливается: прошлое, настоящее и будущее не связаны последовательностью”¹⁷.

“Пространство потоков” относится к технологической возможности организации множественности социальных практик безотносительно к географической привязанности. Смысл и функция “пространства потоков” зависят от потоков, протекающих внутри сетей в отличие от “пространства мест”, в котором смысл, функция и место жестко взаимосвязаны.

В результате центральный институт власти в человеческой истории — государство — испытывает процесс драматической трансформации. Его ставят под сомнение глобальные потоки и сети. Ослабление власти и доверия к ней заставляет людей строить свою собственную систему защиты и идентичностей, что делегитимирует государство. Тем не менее, государство не исчезает, оно адаптируется и трансформируется. Оно строит партнерские отношения с другими государствами через мультинациональные и транснациональные институты, утверждая через них свой суверенитет, с одной стороны. С другой — децентрализирует власть, делегируя ее регионам, негосударственным организациям и т.п. Современное государство — это сетевое государство, создающее сложную сеть распределения власти и распределяющее принятие решений между международными, мультинациональными, национальными,

¹⁷ *Castells M. Materials for an exploratory theory of network society. P. 5.*

региональными, локальными, негосударственными политическими институтами.

Аналогичным образом развивается и теоретическое построение Дж. Урри — одного из ведущих исследователей проблем глобализации. Так же как и М. Кастельс, Дж. Урри подчеркивает, что общество как социальная реальность не исчезает, оно лишь трансформируется под влиянием процессов глобализации, а это требует изменения принципов и методов социологического теоретизирования. Конкретно, речь идет о новой “повестке дня” для социологии как дисциплины. Социология должна стать “дисциплиной, организованной вокруг сетей, мобильностей и горизонтальных потоков”. “Социология мобильностей” должна заместить “социологию социального как общества”.

Традиционная социология исходила из следующего теоретического представления. «Всякое общество — это суверенная социальная сущность со своим национальным государством, которое определяет и обеспечивает права и обязанности каждого члена, или гражданина. Большинство основных видов социальных отношений реализуется в территориальных пределах данного общества. Государство обладает монополией юрисдикции или управления по отношению к членам общества, проживающим в пределах территории, которое занимает общество. Экономика, политика, культура, классы и т.п. структурируются социетально. В сочетании они образуют то, что обычно концептуализируется как “социальная структура”». Такая структура организует и регулирует жизненные шансы каждого члена общества.

“Глобальные процессы” в своей совокупности меняют контуры современного социального опыта. Отправным пунктом анализа современной социальной ситуации могут служить следующие моменты: нет единого глобального общества; существуют “исключительные уровни” взаимозависимости; непредсказуемые ударные волны из какой-то одной части системы расходятся по всей системе; на планете есть не только “общества”, но и могущественные “империи”, охватывающие ее; наблюдается массовая мобильность людей, предметов, а также опасных отходов.

Огромную роль в конституировании того или иного общества играли его отношения с другими обществами. “Общества конституировали друг друга в течение двух последних столетий”¹⁸. И данное обстоятельство требует от социологии “мобильного теоретизирования”.

Новое видение “социального” реализуется посредством ряда “новых правил метода”, важнейшее из которых состоит в использовании метафор. Предлагаемое в его концепции теоретическое рассмотрение социальной жизни опирается на метафоры “сеть”, “поток” и “путешествие” и их различные версии. Эти и некоторые другие метафоры

¹⁸ *Castells M. Materials for an exploratory theory of network society. P. 18.*

призваны прежде всего способствовать разработке продуктивных метафор “глобализации” и “глобального”. “Метафоры глобального”, или “метафоры глобализации” приобретают особое значение в современной социологии. Основными являются метафоры “сеть” и “поток”. В первую очередь эти метафоры призваны создать новую “социальную топологию”, способную заменить топологию и метафорику “региона”, вокруг которой организовано понятие “общество”.

Современные западные общества осуществляют переход от социальных отношений, базирующихся на территории и государстве, к социальным отношениям, базирующимся на информационных данных и на детерриториализации. Соответственно, современные государства вынуждены регулировать мобильности различного рода, прежде всего, мобильных граждан. Государства могут опереться на новейшие компьютерные технологии сбора, хранения и распространения информации. Государства во все большей степени обладают исключительными информационными потоками, особенно базами данных, которые дают возможность определять нормативы социального действия и контролировать их внедрение на значительных географических пространствах как внутри своих территориальных пределов, так и за ними. Государства в состоянии обладать базами данных, относящихся практически ко всякому экономическому и социальному институту. Весьма значимую роль при этом играют многочисленные опросы населения.

В настоящее время оформляется что-то похожее на “глобализирующее гражданское общество”. Заметный рост транснациональных гражданских ассоциаций, повсеместное устремление к демократизации и ненасилию, огромные трудности, которые испытывают национальные государства в плане сохранения своей легитимности, а также целый ряд усиливающихся глобальных тенденций — все это способствует оформлению “глобального гражданского общества”. Именно такой набор социальных трансформаций должен образовать базу для “глобального гражданского общества” и для развития “социологии мобильностей”.

Еще один вариант понимания глобализации, судьбы национального государства и национального общества демонстрирует У. Бек. Его позиция формулируется в рамках теории оформления “транснационального государства”. Согласно Беку, “глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности”¹⁹. Глобализация создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. “Особенность процесса глобализации заключается...

¹⁹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 26.

в устанавливаемых эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их масмедиаальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях. Мировое сообщество — не меганациональное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии”²⁰. Глобализация — это наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства.

У. Бек утверждает, что “национальное государство вовсе не устарело, без него даже нельзя обойтись; оно необходимо не только для того, чтобы обеспечивать внутреннюю политику и геополитику, политические права и т.п., но и для того, чтобы политически оформлять процесс глобализации, транснационально его регулировать. Транснациональные государства, следовательно, являются *сильными* государствами, чья политическая формосозидающая власть вырастает из ответов на глобализацию”²¹. Определяя, что же по сути есть транснациональное государство, Бек указывает следующие его черты. “Транснациональные государства являются, во-первых, не-национальными государствами, а значит и не-территориальными государствами... Они должны пониматься как единственное опровержение, как контрмодель контейнерной теории государства и общества”²².

Во-вторых, понятие “транснациональное государство” позволяет освободиться от территориальной западни теории национального государства и открывает путь к такому понятию государства, которое признает глобальность в ее многомерности как необратимое положение дел и делает определение и организацию транснационального ключом для нового определения и возрождения политического.

В-третьих, транснациональные государства являются *глобальными* государствами, которые, согласно принципу инклюзивного различения, рассматривают себя как провинцию мирового общества и в соответствии с этим обретают свое место в мировом рынке и политике”²³.

В рамках общего обсуждения методологического сдвига от “контейнерной” теории общества классической социологии к сетевому социологическому анализу и социологии мобильностей У. Бек предлагает радикальную версию современной глобальной социологии. По его мнению, становление современности — это становление космополити-

²⁰ Бек У. Что такое глобализация? С. 29.

²¹ Там же. С. 189.

²² Там же. С. 91.

²³ См.: Там же. С. 191–192.

ческого мира, требующего создания “космополитической социальной науки”, или отказа от методологического национализма и движения к новым началам социального и политического. Речь идет о теории космополитизации У. Бека. Космополитизм отличен от глобализации и в некотором смысле даже противостоит ей в том, что касается процессов унификации, стандартизации и даже универсализации.

«Расцвет социологии совпал по времени с подъемом национального государства, национализма и системы международной политики. Такая историческая связь и породила аксиоматику методологического национализма, согласно которой нация, государство и общество — это “естественные” социально-политические формы современного мира»²⁴. У. Бек считает, что “современное общество” и “современная политика” не могут быть организованы исключительно в национально-государственной форме.

“Территориальная социальная онтология национального взгляда”, по его мнению, не очень хорошо сочетается с сегодняшним миром политических партий, средств массовой информации и международной политики, а также с правом и общественными науками. Именно исследования процессов транснационализации, проведенные в последнее десятилетие, заставляют усомниться в эмпирических и методологических допущениях господствующего методологического национализма, главным принципом которого является утверждение, что государство формирует национальное общество, а не наоборот. Из этого следует, что существует множество обществ — столько, сколько существует национальных государств и национальных социологий. Тем самым навязывается территориальная трактовка общества, в основе которой — установленные и контролируемые государством границы. «Эта модель “контейнера”, подразумевающая ограничивающие друг друга национальные общества, подкрепляется принципом взаимной детерминации государства и общества»²⁵.

“Эмпирико-аналитический космополитизм” направлен против методологического национализма, но не вступает “в перепалку” с политическим космополитизмом. Он занят исследованием и осознанием социально-политических условий, сложившихся в XXI в. Космополитизация предполагает множественность идентичностей и лояльность множеству национальных государств. Она проявляется в институте двойного гражданства и знании иностранных языков, путешествиях, в экспорте и импорте культурных продуктов, распространенности интернета, трансграничных коммуникациях, мобильности граждан и участии этнических меньшинств в органах власти, транснациональных формах жизни, транснациональной преступности, транснациональных

²⁴ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 35.

²⁵ Там же. С. 39.

сообщениях СМИ. «Иначе говоря, нация покидает свой “контейнер”»²⁶. Распространение космополитизма, констатирует Бек, означает, что закрытое общество исчезает навсегда, космополитизация означает резкое усиление открытости общества по отношению к внешнему миру.

Столь радикальная универсалистская версия глобального мирового порядка, основывающаяся на сетевой морфологии, транснациональных практиках и транснациональном государстве, предполагает, однако постановку и ответ на вопрос о том, какова же структура этого порядка.

Этот вопрос, также как и определенные ответы на него всегда присутствовали в социологической теории. В качестве вариантов ответов была предложена, например, теория миросистемы И. Валлерстайна, политически организованная посредством “неподлинных” империй сначала Карла V, затем *Rex Britannica* и современной *Rex Americana*.

Теории империи стали постоянной темой дискурса о глобализации на рубеже XX–XXI в. Они часто совмещались и пересекались с политическим обсуждением проблем однополярной и многополярной организации современного глобального мира. Теории империи М. Хардта и А. Негри, Эммануэля Тодда, различного рода дискуссии о “конце *Rex Americana*” составили значимый блок теорий современной глобальной социологии.

Одну из версий современной структуры глобального порядка как “некогерентной империи” предложил М. Манн²⁷. Исходный момент рассуждений известного социолога Майкла Манна об американском империализме, о новой мировой империи, продуцируемой США, образует несогласие с “общим мнением левых, либералов и консерваторов” относительно того, что нынешняя эпоха — это “эпоха американской империи”.

Теоретическое обоснование такой позиции опирается на разработанную им общую социологическую концепцию. Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: “Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти”²⁸. Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть “подсистем”, “измерений” или “уровней” у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя

²⁶ Бек У. Космополитическое мировоззрение. С. 164.

²⁷ Mann M. *Incoherent Empire*. N.Y.; L., 2003.

²⁸ Mann M. *Incoherent Empire*.

свести “в конечном счете” к какому-то системному свойству этого целого — будь то “способ материального производства”, “культурная” или “нормативная система”. В силу того, что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на “эндогенные” и “экзогенные” разновидности. Не существует социальной системы и потому нет внутренне присущего ей “эволюционного” процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует “диффузии” форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, ограниченной “как целое”.

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений “четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений”. Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Указание на “четыре основных типа власти — военной, политической, экономической и идеологической” служит в “концепции империи” средством оценки тех ресурсов, которыми располагают США в настоящее время. Такая теоретическая оценка образует основную часть концепции. Главный вывод М. Манна заключается в том, что “новые империалисты” преувеличивают американскую мощь. Отметим, что он не одинок в утверждении такого мнения.

США слабеют во всех четырех источниках власти. Властные ресурсы США и их неравномерное распределение характеризуются М. Манном с помощью метафорических средств. Военная мощь предстает как “военный гигант”; в экономике США по отношению к миру предстает как “непрощенный советник”, в политике — как “политический шизофреник”, а в идеологической сфере — как “идеологический фантом”.

В то же время растет мощь их потенциальных соперников — Европы, России и Китая. При этом, как считает М. Манн, слабость США обусловлена не подъемом соперников и не общим “имперским перенапряжением”. Источник нарастающего ослабления кроется в высшей степени неравномерном распределении властных ресурсов. Это ведет не к общему коллапсу, а к “имперской некогерентности” и к провалам во внешней политике. В связи с этим М. Манн выражает надежду, что американцы откажутся от “имперского проекта”, и это позволит им сохранить значительную часть своего доминирующего положения в мире.

В современной социологической литературе появилась новая версия анализа механизма, обеспечивающего единство глобального порядка. Такой версией является концептуализация современного процесса урбанизации, в центре которой находится понятие глобального города.

Речь идет о том, что современные процессы глобализации привели к оформлению глобальных городов, которые стали новыми “точками силы” на глобальной карте мира. “Они изменили глобальную карту современного мира, уменьшив роль и значение национальных государств в результате создания еще одной новой картографии, основу которой составляют современные крупные урбанистические образования”²⁹. Глобальные города как центры силы являются новой основой глобального порядка. В этой связи следует выделить теории Дж. Фридмана, Р. Коэна и П. Кеннеди, С. Сассен.

Все эти теории глобального порядка создавались и продолжают создаваться в русле универсалистской ветви современной глобальной социологии. Одновременно с этой ветвью проблемы структуры и порядка современного глобального мира решаются в рамках еще одной исследовательской стратегии — цивилизационного подхода. Рассмотрению теорий, созданных в рамках этого подхода посвящена вторая часть данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Теоретические и методологические проблемы современной урбанизации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М., 2013. № 4.
- Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
- Закат империи США: кризисы и конфликты.* М., 2013.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996.
- Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.
- Полякова Н.Л.* Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 22–47.
- Тодд Э.* После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.
- Хардт М., Негри М.* Империя. М., 2004.
- Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.
- Урри Дж.* Мобильности. М., 2012.
- Урри Дж.* Как выглядит будущее? М., 2018.

²⁹ *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 61.

REFERENCES

- Beck U.* Der kosmopolitisch Weltanschauung. Frankfurt am/M., 2008.
- Beck U.* Was ist globalisierung? Irrtümer des globalismus — Antworten auf globalisierung. Frankfurt am/M., 1997.
- Castells M.* Materials for an exploratory theory of network society // Britain Journal of Sociology. 2001. N 51. P. 5–24.
- Castells M.* The rise of network society: the information age, society and culture. Vol 1. Singapore, 2010.
- Cohen R., Kennedy P.* Global sociology. N.Y., 2007.
- Giddens A.* Runaway world. How globalization is reshaping our lives. L., 1999.
- Giddens A.* The consequences of modernity. Stanford, 1990.
- Giddens A.* The constitution of society: outline of the theory of structuration. Berkeley; Los Angeles, 1984.
- Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge, 2000.
- Kimelev Y., Polyakova N.* Modern i process individualizacii: istoricheskie sud'by individuala moderna [Modernity and the process of individualization: The historical destinies of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).
- Kimelev Y., Polyakova N.* Sociologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna [Sociological theories of modernity, radical modernity and post-modernity]. M., 1996 (in Russian).
- Mann M.* Incoherent Empire. L., 2003.
- Mann M.* The sources of social power. Vol. 3. Global empires and revolution, 1890–1945. Cambridge, 2012.
- Osipova N.* Neravenstva v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequalities in the global world: the essence, institutes, regional specifics and dynamics] // Vestnik of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Politology. 2014. N 2 (in Russian).
- Polyakova N.* Novye teoreticheskie perspektivy v sociologii nachala XXI veka [New theoretical perspectives in sociology at the beginning of the XXI century] // Vestnik of Moscow University. Seriya 18. Sociology and Politology. M., 2015. N 2 (in Russian).
- Sassen S.* Losing control? Sovereignty in the Age of Globalization. N.Y., 1996.
- Sassen S.* Sociology of Globalization. N.Y., 2007.
- Todd E.* Après l'empire — Essai sur la décomposition du système Américain. P., 2002.
- Urry J.* Mobilities. Cambridge, 2007.
- Urry J.* Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. L., N.Y., 2000.
- Urry J.* What is the Future? Cambridge, 2016.
- Vershina I., Polyakova N.* Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennoj urbanizacii [Theoretical and methodological problems of contemporary urban sociology] // Vestnik of Moscow University. Seriya 18. Sociology and Politology. M., 2013. N 4 (in Russian).
- Wallerstein I.* The Essential Wallerstein. N.Y., 2000.
- Wallerstein I.* The Modern World System: In 4 Vol. N.Y.; 1974–2011.
- Wallerstein I.* Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire [World-System Analysis and modern World Situation]. SPb., 2001 (in Russian).
- Wallerstein I.* World-systems analysis: an introduction. Durham, 2004.
- Zakat imperii SSHA: krizisy i konflikty [The decline of the USA: Crisis and conflicts].* M., 2013 (in Russian).